

Дмитрий Киселев
Старик
и река
Каменка

Рассказы

Дмитрий Киселев

Старик и река Каменка. Рассказы

«Издательские решения»

Киселев Д.

Старик и река Каменка. Рассказы / Д. Киселев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-607695-2

Сборник рассказов о людях, которые любят жену, дом, жизнь. О собаке, которая предана людям. Все рассказы вымышлены, продиктованы сюжетом, но думается, что герои имеют воплощение в реальных людях и животных. Рассказы «Оловянное кольцо» и «Страшный суд», входящие в данный сборник, были ранее опубликованы отдельными книгами.

ISBN 978-5-00-607695-2

© Киселев Д.
© Издательские решения

Содержание

Старик и река каменка	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Старик и река Каменка Рассказы

Дмитрий Киселев

Дизайнер обложки Дмитрий Киселёв

© Дмитрий Киселев, 2023

© Дмитрий Киселёв, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0060-7695-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Старик и река каменка

Глава 1

На доброй речке «Каменке» широко раскинувшей чистые воды промеж пологих берегов жирного чернозёма, как и в старину, кипела жизнь. Под тёплыми лучами июньского допуденного солнца, деревенские портомойки, собравшись у реки на мостках, выколачивали грязь из портков, пустив весёлую песнь по ветру. Чуть поодаль от баб ребятня, свесив над водой ореховые удочки, притаившись за тростниками, рыбачили окуньков. У мелководья в поиске мальков теснились домашние утки. А по серёдке реки, высоко вскинув головы, по-царски неторопливо плыли белые гуси.

Погожему дню радовался и Пётр Петрович Зарубин. Ещё крепкий сухой старичок с окладистой седой бородою. Одетый в поношенную, но прочную деревенскую одежду. Он, опершись одной рукой об изгородь, а другую вскинув лодочкой над густыми бровями, сощуренными глазами с высоты холма, на котором стоял его дом, любовался полосой реки, уползающей за горизонт. Ничто не предвещало беды.

– Здравствуй, отец, – поздоровался звонким голосом юноша.

– Здравствуй, сынок, – поприветствовал Пётр Петрович незнакомца и внимательно оглядел его.

Перед стариком по другую сторону изгороди, улыбаясь, стоял красивый светловолосый юноша, одетый в клетчатую рубашку, широкого кроя брюки и обутый в начищенные до блеска, но успевшие запылиться в дороге кожаные ботинки. В одной руке он крепко держал коричневый портфель, а в другой – сложенную в четверо топографическую карту. Из нагрудного кармана его рубашки выглядывал острый носик карандаша и ножки циркуля.

– Подскажи, отец, как мне деревню «Каменку» отыскать, – попросил помощи юноша и, подойдя поближе, поставил на землю портфель, начав разворачивать карту.

– А что её искать-то, сынок! – воскликнул старичок, кивнув в сторону своего дома. – Вот она, Каменка, перед тобой. С моей избы вся и начинается.

– Вот так удача! – обрадовался юноша. – Я не менее двух часов блуждал по полям, а потом с пол часа ещё искал переправу с того берега на этот.

– Так у нас же там, у лощинки, мосток есть!

– Есть! Да, вот только нелегко его отыскать, когда заранее не известно, где он.

– Ну, тык, – покачал головой старик. – А на кой тебе, сынок, деревня наша? Небось, в гости приехал. К родичам. Ты мне тока фамилию скажи, я тебе враз дорожку укажу. Я тут всех знаю.

– Нет! Я не в гости. Я из города приехал по делу. Мне к старосте нужно.

– Ах, по делу. Ну, так другое дело. Старосту токмо по делу-то и можно потревожить. Человек он занятой. По всякой ерунде принимать не станет.

– По ерунде! – воскликнул юноша. – Для вас что же, электричество – ерунда?

– Электричество?

– Да-да. Электричество. То самое, которое города подняло, а теперь и деревням с сёлами встать поможет.

– Ну, сказанул! А на кой оно нам, электричество твоё, сынок?

– Как зачем! За электричеством будущее. Без него теперь не строят, не производят, не пашут.

– Вон оно как! Стало быть, не пашут! – перебил Пётр Петрович юношу и тут же указал ему рукой направление к конторе председателя. – Мне говорить о пустом некогда. Старосте, поди, расскажи. Он человек грамотный, пушай послушает. Да и решит, треба нам электричество в деревню вести али не треба. Вот по этой тропке, что правее уползает, пойдёшь, увидишь

три берёзки рядышком растут. За ними направо повернёшь, там трактор стоит неисправный. За трактором налево поверни и увидишь контору.

– Спасибо, отец, – поблагодарил парень, уходя. – Скоро у вас тут все к лучшему измениться!

– К худшему бы не изменилось, – сказал Пётр Петрович вполголоса, убедившись, что юноша достаточно отдалился и не слышит его.

Затем пробубнил ещё что-то себе под нос, бросил короткий взгляд на отдаляющую фигуру и, повернувшись, тихонько поковылял к дому.

Глава 2

Глубокая затянувшаяся осень, размазанная каплями нескончаемого морозящего дождя, так тягостно ложилась на плечи старика, что, сгибаясь всё ниже к земле, он чаще стал подумывать о смерти. Ему представлялось, будто умереть дождливой осенью – самое удобное время. Всем и без того грустно и одиноко.

Не будет заметно отсутствие слёз на промокших от дождя лицах. Не нужно долго стоять над телом, лежащим в гробу возле могилы. Нет надобности после, когда настанет зима, приходить на погост. Похоронили человека и не заметили даже, ведь и без того тошно.

Почему Пётр Петрович стал думать о смерти, он и сам не знал. Но каждую минуту, стоя тихонько у изгороди и оглядывая берега пустыющей реки, возвращался только к одной мысли. «Умереть бы уже».

Наконец наступила зима! Хандра с лица Петра Петровича спала, точно и не бывало её вовсе. Он сделался враз весёлый, бодрый, розовощёкий. Стоял часами у изгороди и смотрел на замёрзшую реку. Хохотал, махал руками, подпрыгивал, видя, как деревенские ребяташки катаются на коньках и санках. Как падают в снег. Как поднимаются и катятся дальше.

– Как же жить хочется! – восклицал старик, всякий раз, вернувшись в дом с улицы. – Как же хочется!

Ещё снег лежит в полях, тяжёлый, чистый, а в воздухе уже весной пахнет. «Весна идёт!» – сказал себе Пётр Петрович, набрав полные лёгкие воздуха. Затем легонько стукнул рукой по изгороди и поспешил домой, скрипя мелкими шагами. Опасаясь поскользнуться и упасть.

– Весна идёт! Слышишь, Лид, идёт! – крикнул он жене с порога. – Я её носом чувствую! Пахнет!

Старушка, сидевшая у печи на лавке, одетая в серенькое платье с рукавами и душегрейку, подняв чёрные, как уголь глаза над оправой очков, посмотрела с недоумением на мужа. Перестав сучить пряжу.

– Где же она идёт-то, милый мой, когда на дворе только-только март начался. Неужели ты не знаешь, что в один год март обогреть может, обласкать, а на другой и обморозить. Рано ты, Пётр, весне радуешься. Рано. Лучше прикрой-ка дверь покрепче, а то дует. Да раздевайся и проходи к столу. Чай липовый пить будем. Я заварила.

Несмотря на ожидания старика, март до последнего дня упорствовал, весне не поддавался.

Вскоре началась капель. Пётр Петрович проснулся рано, ещё до рассвета. Был точно сам не свой. Какой-то взволнованный, взъерошенный, дёрганный. То в окна смотрел, то на двор выходил. Возвращался, вздыхал и опять к окнам. Похоже было, что дожидался чего-то.

– Петь, что с тобой? Что ты, не переставая, в окна смотришь, да на порог бегаешь? – спросила его жена, нахмутив брови.

– Так это я так. Жду, – ответил он уклончиво, поглядев ещё раз в окно на небо.

– Чего ждёшь-то? – не отставала Лидия Ивановна.

– Жду, когда поля потекут, – сказал Пётр Петрович, сделав лицо серьёзным.

– Поля! – воскликнула она, улыгнувшись, и бросила короткий взгляд в окно. – Зачем тебе?

– Увидеть хочу, как масса талой воды реку прибавит, – ответил старик и тут же порозовел щеками. – А помнишь, как в сорок третьем году река до порога поднялась! Помнишь, как ты испугалась тогда и всё лето потом упрашивала меня избу перенести повыше. Помнишь?

– Помню. Как же не помнить! Столько воды было. Да я отродясь столько воды не видывала! А тут до самого порога растеклась.

Лидия Ивановна замолкла вдруг и, посмотрев на фотокарточку молодого человека в военной форме, висевшую на стене, опустила низко голову.

– Река аккурат на сороковой день поднялась, – продолжила она с надрывом в голосе после небольшой паузы. – И он ушёл тогда, забыв о нас.

Пётр Петрович сморщил лицо так, как морщат его те, у кого неожиданно заболит сердце. Затем сжал с силой губы и с надеждой посмотрел в окно.

– А может, она и в этом году до порога прибавит, – прошептал он.

– Так вот почему ты такой! – догадалась Лидия Ивановна, посмотрев на мужа полными тоски и сочувствия глазами. – Его ждёшь!

Старик не обернулся к жене, боясь показать ей слёзы, которые, сорвавшись с покрасневших век, катились по морщинистым щекам.

– Но он не придёт! Он умер! – навзрыд крикнула старушка и уткнулась лицом в сухие ладони.

Пётр Петрович, воспользовавшись тем, что жена не смотрит на него, выскочил из дома. Остановился у изгороди, оглядел реку, выдохнул и, закрыв глаза, прислушался.

За шелестом мохнатых веток вербы, ведомых порывами лёгкого ветра, слышалось приятное уху щебетание трясогузок. Старик, улыбнувшись лицом, запрокинул назад голову и, отдавшись косым лучам апрельского солнца, сделал глубокий вдох. Затем он, подобно парящим в небе орлам, расправил широко в сторону руки и тут же ощутил себя по-настоящему счастливым и свободным созданием.

– Петь! – раздался за спиной голос жены. – Я тоже хочу увидеть, как масса талой воды реку прибавит.

Лидии Ивановне стоило не малых усилий заставить себя выйти теперь к изгороди и вместе с мужем дожидаться чуда. Ведь после смерти сына она, сделавшись убеждённой реалисткой, чуть больше четверти века не пускала в голову даже мысли о том, что окружающий человека мир можно воспринимать таким, каким он на самом деле не является и являться не может. Мир в её представлении был в самой основе своей жестоким к людям, непоколебимым к их тонким чувствам и безжалостным к не зарастающим душевным ранам.

– Я знаю, как тяжело тебе заставить себя поверить в то, что никогда не случится, – сказал Пётр Петрович, приобняв жену за худое плечо. – Но вера все же скорее приблизит к желаемому, нежели отдалит.

Она промолчала.

Глава 3

Весна оказалась затянувшейся. Снег в полях лежал долго, чернел, сжимался и только к началу мая весь и вышел. Лидия Ивановна, окончательно разочаровавшись миром и собой, села за вязание. И вязала до самого лета, стараясь без повода не выходить из дому.

Пётр Петрович погрустнел вначале, но когда деревенские портомойки, ребятня да домашняя птица вновь вернулись на реку, повеселел. Стал чаще приходить к изгороди и по привычке вскинув над бровями руку, любовался рекой.

Так и теперь. Он стоял на излюбленном месте и вглядывался в переливающуюся серебром поверхность реки. Ровно до тех пор, пока за плотной стеной кустарника не послышались мужицкие голоса.

– Кузьмич, а ты уверен, что знаешь дорогу к этой деревне? – спросил, кряхтя, рыжеволосый худенький паренёк, чуть присев от усталости под весом тяжёлого бревна.

– Ты что же это, Васька, в Кузьмиче вздумал сомневаться! – попрекнул юношу жилистый Игнат, которому из-за высокого роста приходилось, подстраиваясь под остальных мужиков, напряжённо сгибать спину и колени.

– Так он не сомневается. Васька Кузьмича запутать хочет, чтобы улучшить минутку-другую на отдых. Мне сзади хорошо видно, как у него ноги заплетаются. Того гляди, упадёт, – сказал, посмеиваясь, такой же худой, как Васька, седобородый Прохор.

– Я вам говорил, что ему эта работа в тягость будет! – проревел басом плотный мужик с широким лицом и толстым носом, нёсший бревно последним.

– Ничего не в тягость! – воскликнул Васька, выпрямив спину. – Сапоги мозоль натёрли, вот и плетусь.

– Будет вам, – отрезал старый, но ещё крепкий телом Кузьмич, идущий первым. – Пришли уже.

Пятеро мужиков, неся на плечах тёсаное бревно, а в руках верёвки и лопаты, вышли на полянку перед домом Петра Петровича. Остановились.

– Слушай мою команду! – крикнул Кузьмич. – И-и-и! Раз!

Увесистое бревно, ударившись о землю, отскочило и, ударившись о неё, вновь замерло, точно всегда тут и лежало. Мужики поскидывали на траву верёвки, лопаты и стали распрямляться.

– Ух, какое тяжёлое, – проскулил Васька, поглаживая плечо.

– Ничего, – протянул басом мужик с широким лицом.

Старый Кузьмич, отодвинув одной рукой бороду, а другую сунув глубоко за пазуху, вынул надвое сложенные бумаги. Смочил слюной грязные пальцы, перелистнул страницу и, подняв глаза на дом, увидел торчащую над изгородью голову Петра Петровича, который с вниманием смотрел на мужиков.

– Здравствуй, мил человек, – поздоровался Кузьмич с Петром Петровичем. И поздоровались мужики.

– Здравствуйте, – ответил на приветствие старик.

– Скажи, земляк, – спросил Кузьмич. – это, случаем, не дом Зарубиных?

– Так есть. Я Зарубин. Мы здесь с женой живём.

– Слышал, небось, что в деревню электричество тянут, – продолжил Кузьмич.

– Слышал, как не слышать. Вся деревня гудит.

– Кузьмич, где копать-то будем? – вмешался в разговор Игнат.

– Ну-у, давай вот здесь, что ли. В метре от изгороди, – показал Кузьмич и, отойдя в сторону, принялся руководить процессом вкапывания опоры.

Пётр Петрович, не вмешиваясь, с интересом смотрел на происходящее из-за изгороди. Он видел в щель меж жердями, как быстро долговязый малый в одиночку выкопал узкую яму глубиной более метра. Как мужики поднесли бревно к краю и, потянув за верёвки, привязанные сверху, установили его в землю. Как рыжеволосый паренёк, ловко забравшись по гладкому столбу, отвязал верёвки.

Монтёры, работая слаженно и быстро, уже к середине лета установили все опоры в деревне и натянули провода. Когда же начали подключать дома, старик не возражал. Он вроде как и не нуждался в электричестве, но и не отказывался. «Пушай будет». А вот жена его ни в какую не соглашалась, открешивалась. И даже соседка Марфа, сколько не пыталась, но переубедить подругу так и не смогла. «Лида что ты кобенишься, – говорила она ей. – Неужто впотымах свой век доживать собираешься!» Но Лидия Ивановна, точно не слыша никого, всё одно талдычила: «Не хочу я на старости лет ко свету лететь да от огня сгореть». Так и остались Зарубины жить, как жили.

А в деревне до конца лета только и разговоров было, что об электричестве. Старики охали да ахали. Девки песни на всю округу горланили, а парни танцы вытанцовывали, кто лучше. Говорили даже, что у Авдотьи в аккурат корова двух телят отелила. Брехня, конечно, но всем хотелось в это поверить.

Установилась осень. Опустели улицы. Перестали лаять на дворах собаки. Тяжёлая армада бурых, точно перемазанных сажей туч, бурлящих в низком небе от горизонта до горизонта, угрожающе повисала над мокрыми крышами деревенских домов. У изгороди в сумерках, сопротивляясь порывам встречного ветра, обдирающего с веток пожелтевшие листья, стоял старик. Его печальное и осунувшееся лицо, будто окаменев, было неподвижным.

– Не по душе мне такая осень, – сказал огорчённо Пётр Петрович, войдя в дом и стянув с головы сырую от мороси шапку-ушанку. – Не по сердцу.

Лидия Ивановна, седевшая тихонько у печи, промолчала и, даже не взглянув на старика, продолжила при тусклом свете масляной лампы штопать прохудившиеся носки. Пётр Петрович смиренно выдохнул, сморщил лицо и, отвернувшись к окну, стал в полном безмолвии дожидаться ночи. А после и зимы.

Глава 4

До середины ноября погода, чередуясь походящими друг на друга безветренными и относительно тёплыми днями, всё глубже погружала Петра Петровича в состояние отчаяния. Ему начало казаться, что вся деревня вместе с людьми и скотиной застряла где-то между неоконченной осенью и ещё не успевшей начаться зимой. И только ветер, поднявшийся за дальними полями, смог отрезвить его, ударив по щекам студёным пробуждающим порывом.

Старик, восхищаясь тем, как быстро оледенелому инею удавалось овладевать крышей за крышей, деревом за деревом, травинкой за травинкой, ожил. И, распрямив плечи, поспешил к изгороди, предвкушая удовольствие видеть реку, начавшую облачаться в нарядное ледяное платье.

За хрустом опавших ещё в начале осени берёзовых листьев, рассыпающихся на мелкие кусочки под мягкой подошвой его валенок, слышалось многоголосье у реки, сопровождаемое всплесками воды и взмахами крыльев. Не успев подойти к изгороди и ухватиться рукой за балку, Пётр Петрович упал на спину, увидев в небе прямо перед глазами стаю диких уток, поспешно улетающих на юг.

– Прощайте, – сказал он, улыбнувшись. И в тот же миг оцепенел, различив на сером беспокойном небе очертание нависших чёрных туч.

Стал падать мелкий, колючий, а после крупный и плотный снег. И падал так до самой Калиты. Не переставая, застилая деревню непреодолимыми сугробами.

Гонимый разыгравшимся снегопадом старик, держась рукой за правый бок, точно в последний раз обернувшись на изгородь, бросил тоскливый взгляд и, опустив голову, поспешил под крышу дома. Утром следующего дня он, не сумев подняться с постели, непроизвольно вскрикнул, ощутив слабость в мышцах и колотье в боку.

– Так легче, – прошептал Пётр Петрович дрожащими губами, вернувшись в горизонтальное положение. – Так ещё ничего. Терпимо.

Боль отступила, позволив ему выдохнуть и успеть подумать об избавлении. Но тут же с новой силой возвратилась.

– У-у-у! – простонал старик, сжав с силой веки и сморщив лицо. – Уж если начала мучить, так не отпустит. Теперь все соки выжмет.

– Петь, ты заболел, что ли? – из полумрака, сползающего по глухой стене, рассеянного утренними сумерками, раздался голос Лидии Ивановны.

– Похоже на то, – протянул он, кашляя.

– А что, меня не разбудил?

– Думал, ничего, отойду.

– Как же отойдёшь-то. Сам собой! Тебя лечить нужно.

Он слышал, как быстро жена поднялась с постели и оделась. Видел, как зажгла лампу, растопила печь и вскипятила воду. Как заварила липу. И тихонько подошла к нему.

– Пей, – она вложила горячую чашку в руки мужа и, сняв с гвоздя тулуп, накрыла им ноги. – Тебе пропотеть нужно.

Последовали долгие томительные дни, сменяемые ещё более растянутыми во времени бессонными ночами, которые старик проводил в промокшей от пота постели, укрытый одеялом и тулупом. Он с каждым часом чувствовал себя всё более и более неспособным к жизни. Точно должным скорее опорожнить занимаемое в доме, деревне и мире место. Так сильно болело внутри, и таким призрачным виделось ближайшее будущее.

Вскоре кризис миновал. Температура начала спадать. Пётр Петрович, как и всякий вставший на путь выздоровления больной, стал с жадностью голодного интересоваться жизнью. Он по-хозяйски оглядел избу, выискивая в ней недостатки, должны быть устраненными в его

новом, пережившем страшную болезнь воплощении. Он, как и прежде, полюбил образ жены – спасительницы. И даже с наслаждением, которого не замечал за собой раньше, стал слушать рассказы соседки Марфы, зашедшей в гости на чашку чая.

– Марфа, а правду говорят, что Микола Гвоздев из города телевизор привёз? – спросила Лидия Ивановна соседку, когда та, втягивая губами воздух, прихлёбывала малиновый чай из блюдца.

– Ой, Лида, правда. Как есть правда. Сама видела. Вот такой, – она поставила на стол блюдце и развела в стороны руки. – квадратный, чёрненький, а с боков рыженький.

– И что кажет?

– Кажет. Вот только я не успела посмотреть, сразу испугалась.

– Телевизора, что ли, испугалась? – спросил Петр Петрович, улыбнувшись.

– Диктора, – ответила Марфа вполголоса и придвинулась к Лидии Ивановне.

– Диктора! – воскликнул старик, рассмеявшись.

– Лида, не веришь. Он точно живой. Посмотрел мне прямо в глаза. Аж до мурашек. Потом поздоровался. А я с ним. И только тогда я поняла, что на мне кофта ситцевая старая надета, да весь запон в пятнах. Стыдно мне стало перед ним. Вот я и убежала, чтоб не видал.

– Ты, Марфа, как в молодости народ небылицами потешала, так и теперь продолжаешь, – съязвил Пётр Петрович и, отвернувшись к стене, представил себе реку.

Глава 5

– Весна! – воскликнул старик, впервые во всю зиму выйдя вечером на крыльцо своего дома и вдохнув свежесть вскружившего голову воздуха.

Он уловил приятный ему с детства аромат, источаемый корой плодовых деревьев, перемешанный с обжигающим ноздри запахом обессилевшего мороза, дохаживающего последние ночи по тонкой корке талого снега. Разглядел на расчерченном алыми полосками полотне неба силуэты парящих в выси птиц. И вообразил, как уютно должно быть в домах, с печных труб которых срывается так много клубящегося сизого дыма.

Решив, вопреки наставлению жены, сходить к изгороди, он, зацепившись ослабевшими руками за перила, опустил ногу на порожек, но, не сумев устоять, упал ничком прямо в сугроб снега. Да так и лежал бы в опасности задохнуться. Но Лидия Ивановна, следившая за мужем через оконные стёкла, успела выскочить из дому и, потащив Петра Петровича за ворот фуфайки, помогла ему подняться.

– Я же говорила тебе, – бранила она мужа. – Не ходи на реку. Не ходи.

– Да я что. Я только краем глаза хотел посмотреть, – оправдывался старик.

– Посмотрел! Увидел свою реку любимую! Эх ты. Да если бы я не смотрела за тобой сейчас, небось, задохнулся бы уже. Прямо вот здесь. У крыльца.

Старик смолчал. «Что тут скажешь. Права бабка. Стар я уже годами, да и от болезни слаб».

К началу лета Пётр Петрович, совершенно окрепнув, с тоской в глазах сидел возле окна в ожидании окончания затянувшегося мелкого дождя, размочившего землю. Он всякий раз переполнялся надеждой, когда из-за высоких деревьев, одетых в молодые листья, на низком небе показывался просвет. Когда точно украдкой, у самой земли, под кустами смородины и крыжовника пролетали птички. Когда казалось, что непогода как будто отступила и вот-вот должно было выглянуть тёплое солнце.

А дождавшись последовавших друг за другом погожих дней, он тотчас поспешил к изгороди, с усилием передвигая дрожащими членами своего тела. Но, разглядев ещё за несколько метров подгнившие, требующие замены жерди, составляющие изгородь и сильно накренившиеся столбы, старик поник, невольно замедляя шаг. «Неужто упадёт? – спросил он себя и присмотрелся. – Как есть упадёт. До зимы не выстоит. Нужно заменять. Идти в лес. Рубить дубы. Нести. Копать ямки. Где же сил взять? Ведь старость и без того бремя».

Чем ближе старик, тяготящийся размышлениями, приближался к излюбленному месту, тем дальше отодвигались житейские заботы и шире расплывался устланный зелёным ковром противоположный берег. Пётр Петрович остановился, пожелав сполна насладиться переполнившим его предвкушением созерцания реки, перекатывающейся с волны на волну в серебре отраженного солнечного света.

Он, точно развернув перед водотоком душу, сделал шаг к изгороди и вмиг осиротел. На реке не оказалось ни детей, ни портомоек. Лишь гуси, как и прежде, вскинув высоко головы, плыли по середке реки, да домашние утки теснились на мелководье. «Куда девались люди? Куда девались люди?» – затрещал в мыслях вопрос, заставив Петра Петровича вернуться домой и спрятаться под крышей.

Завернув за угол, он услышал задорный крик Марфы, шедшей вдоль грядок со стиральной доской в руках.

– Вот, Пётр, несую доску. Возвратить! – крикнула Марфа, завидев Петра Петровича.

– Не уж-то наперёд всё портки выстирала! – съязвил старик, желая избежать продолжения разговора с соседкой и как можно скорее проскользнуть в дом.

– Скажешь тоже. Разве наперёд выстираешь. Если бы можно было, то я ещё лет тридцать назад всё бельё выстирала бы. Чем теперь в старости руки в студёной воде морозить, да спину гнуть. Нет уж. Хватит! Теперь отдыхать буду. Пусть машина стирает.

– Какая машина? – приостановившись, попросил уточнить Пётр Петрович.

– Как какая. Стиральная! – горделиво вскинув голову, протянула соседка. – Сын из города привёз.

Увидав в окно подругу и услышав её разговор с мужем, на порог дома вышла Лидия Ивановна.

– Вот Лидка пришла доску тебе вернуть, – сказала Марфа, опершись локтем о перила крыльца.

– Теперь ейные портки машина стирать будет, – со злобой вставил старик и, скинув с ног калоши, скрылся за дверью.

– Машина! – удивлённо воскликнула Лидия Ивановна.

– Что это с ним? – спросила Марфа подругу, проводив старика взглядом.

– Не знаю. Может, болит у него что. О какой машине ты говорила?

– О стиральной! Разве ты не слыхала о стиральных машинах, которые на электричестве работают! Все бабы только об этом и говорят. Петровна даже корову продала, чтобы её купить.

– Да ты что! Корову! За стиральную машину!

– Так вот почему баб на реке нет! – выпалил старик, приоткрыв входную дверь.

– Каких баб? Ты о чём, – попросила уточнить Марфа, не расслышав Петра Петровича.

– А что Гринька, Степанидин внук, делает? – ещё больше раздражаясь, спросил старик, проигнорировав вопрос соседки.

– Когда я к вам пошла, он сел с отцом телевизор смотреть, – ответила Марфа и тут же вскрикнула: – Батюшки, да там же концерт начался!

– Ну, беги, беги. Смотри свой концерт. А Гринька раньше ведь не перед телевизором любил портки просиживать, а на реке рыбачить, – пробормотал Пётр Петрович себе под нос, посмотрев в спину Марфе и, обув калоши, направился в сарай.

Глава 6

– Петь, ты куда? – спросила Лидия Ивановна мужа, проснувшись ночью от шума.

Старик, освещённый тусклым светом масляной лампы, стоя у двери, надевал телогрейку.

– На рыбалку пойду, – ответил он и поспешил выйти из дому.

«Неужто на старости лет рыбалку полюбил! – сказала себе старушка и, подогнув к животу колени, начала проваливаться в сон, – Ну, пущай. Пущай. Всё лучше, чем на лавке сидеть да в окно смотреть. В окно смотреть».

На дворе было темно и тихо. Чуть поодаль, справа, за высокими липами и черёмухой, угадывались силуэты крыш соседских домов. Слева, промеж недвижимых веток плодовых деревьев, виднелась белёсая тропинка, уползающая вдоль огорода в сторону леса. По которой Пётр Петрович направился к опушке, где вдали от глаз односельчан проходила линия электропередачи. И росла берёза, точно нарочно выбившаяся из ряда стройных деревьев, нависнув над проводами.

Старик, опасливо оглянувшись по сторонам, смочил слюной сухие ладони и, взяв в руку пилу, начал раздирать ствол берёзы. Вскоре раздался треск, сообщивший ему о смерти дерева, должного вот-вот обрушиться на провода, издав на прощание протяжный жалобный скрип. Посыпались искры. Поспешив вернуться домой, он, укрывшись с головой под одеялом, сладко уснул, надеясь на перемену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.